Капитолина Ходова (Москва)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

§ 1. Достоверность и надежность результатов сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков в первую очередь зависит от степени охвата исследованием различных сторон синтаксического строя родственных языков и диалектов на всем протяжении их истории. В этом отношении данная область славистики заметно отстает от других областей. Конкретный языковой материал по сравнительному и историческому синтаксису славянских языков разработан недостаточно. Многие важные вопросы исторического развития синтаксической системы не исследованы основательно ни в одном славянском языке или исследованы на ограниченном материале, не позволяющем сделать убедительные обобщающие выводы. Неполнота, фрагментарьность подвергнутого до сих пор исследованию историко-синтаксического материала славянских языков и диалектов является наиболее уязвимой стороной сравнительного изучения славянского синтаксиса. Сравнительно-историческое изучение синтаксиса должно всегда опираться на надежное познание самого древнего письменно засвидетельствованного состояния, для чего необходимо провести анализ возможно более полного материала, подчерпнутого из памятников письменности[1]. Между тем, изученный материал памятников далеко не полон. „Чего нам все еще не хватает в достаточном количестве, так это взятого из письменных памятников свежего материала для изучения исторического синтаксиса славянских языков“ — писал Г. Бирнбаум, отвечая на вопросы специальной анкеты[2]. Необходимым элементом исторического исследования должно стать также изучение диалектного синтаксиса. Синтаксис диалектов дает возможность вскрыть многие связи между славянскими языками, стертые в литературных языках в силу их дивергентного развития (как, впрочем, позволяет увидеть и многие различия, затушеванные последующими схождениями литературных языков). Диалектный синтаксис важен и тем, что это синтаксис устного языка; в этом отношении он во многом ближе древнему состоянию, чем синтаксис литературных языков.

§ 2. Произведения Иоанна Экзарха Болгарского, созданные в конце X-го в. и дошедшие в более поздних списках, отразили в себе позднюю стадию развития древнеболгарского языка. Они содержат множество фактов, позволяющих судить об эволюции этого литературного языка, поэтому исследователи чаще всего обращают внимание на новые, по сравнению с ранним древнеболгарским периодом, языковые, и в частности, синтаксические особенности, характерные для этих произведений и свидетельствующие об изменениях, произшедших в литературном языке на столетие его истории[3].

Однако творения Иоанна Экзарха содержат ценный материал не только для истории одного болгарского литературного языка, но и для истории славянских языков вообще. Так, в них отразилось немало архаизмов, в том числе синтаксических, в частности — очень древних конструкций предложения. Среди этих конструкций есть несколько необычных и даже как будто бы загадочных, дающих повод для различных или пряко противоположных толкований. Отдельные примеры таких древних конструкций предложения встречаются еще в древнейших списках Евангелия и Псалтыри; изучаемые произведения конца X-го в. увеличивают их число, вводя в научный обиход новые факты. Ведь памятники, относящиеся к позднему времени, содержат в ряде случаев больше архаизмов, чем самые древние[4].

Ниже рассматриваются два типа предложения, засвидетельствованные в сочинениях Иоанна Экзарха, а также их параллели, сохранившиеся в виде остатков в славянских языках и диалектах более позднего времени.

I. § 3. В произведениях Иоанна Экзарха отмечается глагольная форма пишетъ, передающая 3-е лицо ед. числа греческого медио-пассивного перфекта γέγραπται. Этой формой вводится обыкновенно цитата из Ветхого Завета. В Шестодневе три примера: ѩко же бо въ нѣкыи пр҃рцѣ пишетъ рекы. и н҃бо помрачи се облакы и дхомь καὶ ὥσπερ ἐν τῷ' Ηλία γέγραπται τῷ προφήτῃ 12 c 26; и не пишетъ да се ѩвитъ землѣ 'αλλ' οὐχί γέγραπται 94 d 5; не пишетъ бо. да боудеть ц҃ькъ. нъ сътворимъ ч҃ка οὐ γαρ γέγραπται 248 a 23. В других местах Шестоднева форма γέγραπται переводится безлично-страдательным пишетъ сѧ. Например: ѩко же пишетъсе. да боудетъ тврѣдь посрѣдь воды καθὼς γέγραπται 40 a 19.[5]

Форма п и ш е т ъ, соответствующая греческой γέγραπται, отмечена еще в старейших древнеболгарских памятниках. Один раз в Синайской псалтыри: въ свнтъцѣ къні(жь)нѣемь пишетъ о мнѣ. сътворитн волѭ. . . не въсхотѣхъ XXXIX, 8. Четыре раза в Зографском кодексе, в четвертой главе от Матфея (в других кодексах в соответствующих местах форме пишетъ соответствует безлично-страдательная конструкция *писано естъ*): пишет. не о хлѣбѣ единомь поживетъ ц҃ькъ Мат. IV, 4 Зогр. (пісано естъ Ассем., Савв., Остр.); пишетъ бо ѣко ѧ҃ломъ своимъ заповѣстъ о тебѣ Мат. IV, 6 Зогр. (писано бо ѥстъ Мар., Ассем., Савв., Остр.); рече же емоу и҃с. пакы пишетъ. не іскоусиши г҃а б҃а своего Мат IV, 7 Зогр. (пакы писано ѥстъ Мар., Ассем., Савв., Остр.); пишетъ бо г҃ю б҃у своемоу поклонити сѧ Мат. IV, 10 (писано бо ѥстъ Мар., Ассем., Савв.). Действие, выраженное этой конструкцией, относится к неопределенному множеству лиц, а вся конструкция со стороны смысла может быть квалифицирована как неопределенно-личная, или, если ориентироваться на показания греческого оригинала и на семантику соответствующих ей в параллельных памятников славянских конструкций, как безлично — страдательная с невыраженным субъектом-лицом. В формальном отношении своеобразие данной разновидности неопределенно-личных предложений состоит в том, что глагол имеет форму не множественного, а единственного числа.

В исследовании С. И. Сятковского о неопределенно-личных предложениях в современных славянских языках (Славянская филология, вып. V, М., 1963) данная конструкция не упоминается. Однако древнеболгарское неопределенно-личное пишетъ имеет параллели в современных польском, сербохорватском и болгарском языках. Французский славист Э. Деко наблюдал в польском языке форму pisze (а также в прошедшем времени pisało) в неопределенно-личном значении и посвятил ее рассмотрению небольшую статью, надеясь привлечь внимание специалистов к проблеме

происхождения данной особенности. Оборот встречается не часто и принадлежит обиходному языку; языковая норма его отвергает. По смыслу этому обороту близки piszą, pisze się, napisano, stoi pisane, stoi napisane. По свидетельству того же автора, форма 3-го лица от pisati употребляется в подобном значении и в сербохорватском[6]. В современном болгарском языке форма **пише (във вестника пише)** имеет, по-видимому, такой же смысл; И. Леков характеризовал подобное употребление **пише** как архаичное и указывал, что в современном языке все более утверждается конструкция с подлежащим (**вестникът пише**).[7]

В древнерусской письменности — летописях и житиях — пишетъ в значении неопределенно-личного оборота также известно; возможно, что данный оборот поддержан здесь болгарскими образцами. В словаре И. И. Срезневского зафиксированы такие примеры: сен же бо҃моудрын кнѧзь рюрикъ пѣ- тын бы҃ ѡ҃ того, ꙗко же пишетъ ѡ правѣднемь невѣ ѡ҃ авраама Ип. лет., 6707 г. (имеется пояснение И. И. Срезневского: „сказано в Святом писании"); ꙗко же пишетъ в отьчьскынхъ книгахъ. слабоу бытн послѣдьнюмоу родоу Нест. Житие Феод., 1.

Каково происхождение конструкции пишетъ? Имеются основания полагать, что она представляет собой остаток древней стадии развития славянского предложения. Она находит отклик и в других индоевропейских языках[8]. Судя по редким остаткам, зафиксированным в славянских диалектах и древних памятниках, основой конструкции мог быть не только глагол *писать*, но и другие глаголы. Действительно, начиная с древнейших памятников славянских языков наряду с неопределенно-личными предложениями, образованными глагольной формой 3-го лица множ. числа, широко распространенными, например, в древнеболгарском и древнерусском, изредка встречаются также односоставные неопределенно-личные предложения, образованные глаголами 3-го лица ед. числа. Акад. Б. Гавранек высказал соображение о древних бессубъектных предложениях с третьим лицом ед. числа глагола без возвратной частицы как основе для развития некоторых более поздних конструкций предложения. Он считал, что глагольные формы, употреблявшиеся в таких бесподлежащных предложениях, не были безличными в традиционном понимании этого термина, но предполагали обобщенный невыраженный субъект. Из древнего типа предложений с невыраженным субъектом-лицом при глаголе 3-го лица ед. числа возникли: а) обобщенно — личный тип предложения с глаголом 3-го лица множ. числа (т.е. неопределенно-личный тип, известный, например, в русском языке); б) тип предложения с возвратным глаголом, распространившийся, например, в чешском[9].

Намеченный Б. Гавранеком путь развития рассматриваемых конструкций согласуется с его концепцией об изменении соотношения активных и пассивных конструкций в истории славянских языков в сторону постепенного увеличения доли пассивных конструкций[10].

Существование в древности этой редкостной конструкции предложения подтверждается немногочисленными примерами. Она зафиксирована в моравских диалектах чешского языка; напр.: ten kroj uvidi u starych lidi[11]. Аналогичные примеры из древнерусского языка сообщил А. С. Мельничук: глаголеть бо в мирскых притчах: не скот в скотѣхъ коза (Слово Даниила Заточника, изд. Зарубина, с. 26); тѣм же и нз русн можеть нти по волзѣ в болгары и въ хвалисы и на въстокъ допти въ жрѣбнн снмовъ (Повесть врем. лет. Т. 1, М., 1950, л. 12). Так же, как и Б. Гавранек, А. С. Мельничук констатирует в предложениях такого рода оттенок обобщенного значения[12].

Почему так ценны для истории языка три примера конструкций с глагольной формой пишетъ, засвидетельствованные в Шестодневе? Потому что они убеждают в том, что аналогичные конструкции Синайской псалтыри и Зографского евангелия — не заимствования, не ошибки и не случайность. В свете данных Шестоднева древнеболгарские примеры из старейших памятников утрачивают характер уединенных, случайных фактов и приобретают новый смысл, указывая на широкое распространение в живом языке рассматриваемой синтаксической конструкции, которая проникала даже в переводы с греческого и употреблялась в них вразрез с требованиями оригинала.

II. § 4. В славянских языках изредка отмечаются конструкции с именительным падежом подлежащего и необычным при этой форме подлежащего сказуемым. Известны примеры этих конструкций из старейших древнеболгарских памятников: добро есть соль. аште же соль не слана бѫдетъ. чимь осолите καλόν τὸ ἅλας. Марк IX, 50 Мар., Зогр.; добро естъ соль. аште же соль обоуѣатъ. о чемъ осолитъ сѧ καλὸν οὐν τὸ ἅλας Лука XIV, 34 Мар., Зогр.; сврѣьно ѥстъ грѣхъ κνησιμώδης ἐστιν ἡ ἁμαρτία Супр. 350, 23; паче вьсего блага̀го житиѧ. оугодьно бѣ̄ кротость Супр. 545, 13. Этот материал обычно цитируется в учебных руководствах по древнеболгарскому языку. В. Вондрак и А. Вайан объясняли появление таких фактов аномалиями согласования, состоящими в том, что прилагательное, отклоняясь от грамматического рода имени-подлежащего, принимает в данных конструкциях форму среднего рода[13]. В нашей статье, опубликованной в журнале „Palaeobulgarica — Старобългаристика“ приведены еще некоторые примеры подобных конструкций из древнеболгарского: благо мьнѣ законъ оустъ твоихъ паче тысѧщи злата и съребра ’αγαθόν μοι ὁ νόμος τῦ στοματός σου Син. пс. CXVIII, 72; вѣмъ ѣко добро законъ καλός ὁ νόμος Слепч. Тим. I, 8. Природу этих конструкций мы понимаем не так, как В. Вондрак и А. Вайан. Сказуемое здесь — не имя прилагательное, согласование которого с подлежащим нарушено, а предикативное наречие, близкое по своим лексико-семантическим особенностям и по синтаксической функции сказуемого к безлично-предикативным словам, формирующим безличные предложения с инфинитивом и дательным падежом. Следовательно, совпадение форм *добро, оугодьно, благо* и им подобных с прилагательными среднего рода — явление чисто формальное, а своеобразие предложений с этими формами состоит не в нарушении согласования, а в полном отсутствии согласования, вызванном неизменяемостью сказуемого, которое представлено наречием[14].

Мысль об адвербиальном характере подобного рода предикатов, не согласуемых с подлежащим, была высказана еще А. А. Потебней. При объяснении их природы он исходит из того, что согласование всегда является средством „производить известные оттенки мысли“, а его нарушение образует новые грамматические категории[15]. А. А. Потебня считает, что несогласуемые предикаты в данном случае суть „наречия, имеющие смысл, сходный с немецкими предикативными прилагательными, лишенными флексий“[16].

Признание именных несогласованных предикатов, формально совпадающих с прилагательными среднего рода, образованиями наречного характера, допускает возможность поставить в один ряд с этими формами встречающиеся в предложениях с именительным падежом подлежащего предикативные наречия, образуемые при помощи суффикса — ѣ. Некоторые примеры с такими формами из древнеболгарского: добрѣ естъ гроѣъ тъштъ καλῶς ὁ τάφος καινός. Клоц. 12 а 3; годѣ бысть' вьсѣмъ слово то ἠρέσεν Супр. 540, 27—28; тѣѣѣ естъ тѣѣзва дш̄а II В б 21[17].

В целом семантическая сфера предикативных наречий в конструкциях разбираемого типа может быть очерчена приблизительно следующим образом: это — слова, чаще всего выражающие оценку — ср. благо, добрѣ и т.п.; 2. модальность, т.е. отношение к действию с точки зрения возможности, необходимости, потребности, долженствования — ср. годѣ, трѣбѣ и др.

Предложения с именительным падежом подлежащего и предикативным наречием изредка встречаются в древнерусских памятниках и несколько чаще — в записях русского фольклора, особенно — пословиц и поговорок. На эти предложения обращали внимание Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. И. Чернышев и другие исследователи русского языка[18]. А. А. Потебня сопоставляет следующие примеры из древнерусского памятника ⩽ Ср. в речах литовских послов **„каждому отчизна своя мила“** а в ответных речах московских бояр **„каждому отчизна своя мило“** (Ак. З. Р., I, 329, 331, год. 1504—1505) ⩾[19], а также приводит следующий пример из Лаврентьевской летописи, 47: **есть ми любо вѣра ваша и слоужение ваше**[20]. Ср. также некоторые примеры, извлеченные В. И. Чернышевым из издания П. Симони „Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий“ (СПб, 1899): **Завидно в поле горох да репа. Еловой пень не отродчиво, а смердей сын не покорчиво. До добро с ушами, а храмина с очами**. Как существенное свойство конструкций В. И. Чернышев отмечает невозможность употребления в них связки прошедшего и будущего времени **был, будет**, что указывает на вневременной, всеобщий характер признака, обозначенного сказуемым[21].

Со славянскими конструкциями еще Ф. Миклошич сближал подобные им структуры из греческого и латыни, напр.: Varium et mutabile semper femina. Ovid.; Plato[22]. Позже Э. Бенвенист обратил внимание на бессвязочный характер древних индоевропейских образований такого рода и отметил семантико-коммуникативную особенность бессвязочных образований, состоящую в тенденции сообщать непреходящие истины, не связанные ни с временем, ни с лицом, ни с обстоятельствами[23]. Можно заметить, что и в славянских языках наблюдается тенденция употреблять двусоставные конструкции с предикативными словами в пословицах и поговорках, устойчивые формулы которых как бы аккумулировали народную мудрость; стиль таких конструкций прост, точен и лапидарен.

Сходство древних латинских и греческих конструкций, включающих предикативные наречия, со славянскими столь очевидно, что оно послужило для некоторых ученых основанием для того, чтобы рассматривать славянские конструкции как заимствованные из греческого[24].

Конструкции с именительным подлежащего и предикативным наречием заметил в Шестодневе еще А. А. Потебня. Он сообщил такие примеры: льгко ѥстъ въздоуѫхъ; въздоуѫхъ рѣдъко ѥ ѥстьствомь[25]. Даем эти примеры по изданию Р. Айтцетмюллера: ѩ ѣкы пьтнца парѣаше. нмже льгъко ѥ въздоуѫхъ 22 d 21; (в реконструированном издателем тексте *льгъкъ*); въздоуѫхъ. нм' же рѣдько ѥ ѥ̂стьмь. н прозрачень. ѩ льгокъ. ѩ тьнок'. ѩ расыпаѥ̃се. ѩ плаваѥ̃ всоудоу 23 c 21—26 (в реконструированном тексте рѣдъкъ ѥстъ); (примеч. издателя: lies рѣдъкъ, so die anderen H_{ss}.). Для сравнения приведем примеры из того же памятника, в которых сказуемое содержит согласуемые формы прилагательных льгъкъ и рѣдъкъ: а въздоуѫхъ льгъкъ сын н горѣ възнесенъ 22 d 10; дымъ ѡ дрьва ѩ ѡ ѡгнѣ възндѣть горѣ рѣдъкъ н слабъ 40 b 8.

Мы нашли и другие примеры конструкций с именительным падежом и предикативным наречием в Шестодневе и в Слове о Преображении[26]. Ниже приводятся некоторые наиболее ясные и бесспорные случаи. С предикативным наречием хоудѣ: воды. . . гдѣ и̑ хоудѣ боудетъ нижѣе мѣсто. на погорьѣ потекоутъ Шест. 90 d 14; после перечисления цветов, трав, деревьев: и тѣ бо на оуспѣх' не хоудѣ соутъ чловѣкомъ Шест 80 b 26. С предикативным наречием ѩвѣ: ѩко же е̑стъ звѣрю земьноумоу̯ въздоухъ сь. тако же е̑стъ рыбамъ нирающимъ вода. ѩвѣ же е̑стъ вина. чесо цѣша. въ на̑ бо плющѧ соутъ καί ἡ αἰτία δήλη Шест. 175 b 12; ѩвѣ же ѥстъ вина φανερὰ ἡ αἰτία Шест. 194 d 8; ѩвѣ ѥстъ тако знаемъ и̑ инъ животъ в'сь, водьныи̑ же и пареи̑. и̑ четвѣноногаа' и̑ земнаа Шест. 53 b 23. С предикативным наречием трѣбѣ: трѣбѣ бо ѥстъ кръмьнькоу̯ корабь творѧщьи, а корабь творѧщоу̯ нже дрѣво сѣчетъ Δεῖται [μὲν] γάρ ὁ κουβερνήτος τοῦ ναυπηγοῦ Шест. 2 a 4; нъ не шьстьи̑е ны е̑стъ трѣбѣ нъ вѣра 'Αλλα γάρ οὐκ ἐκδημίας ἡμιν. 'αλλα πίστεως χρεία Шест. 5 a 26; и злато бо чьстьно ѥстъ и сьребро красьно, нъ нинѣдино отъ обою нѣстъ нѫждьно и нин зѣло трѣбѣ ѩкоже ѥстъ хлѣбъ трѣбѣ Шест. 86 d 2—3; плъны бо сѫть не тъчиѭ дъбрн ѣдины такаго дрѣва бесплодъна, нъ и горы мъногы и така мѣста ѩже на жинице не сѫтъ трѣбѣ Шест. 87 b 23; трѣбѣ и ѩснъ гласъ и тѣло съдраво Шест. 161 b 10; пътницамъ же и плѣжѫщинимъ и чловѣкоу̯ трѣбѣ бѣаше благословленние Шест. 190 c 4; тѣмъ же бѣаше трѣбѣ благословѣнние Шест. 190 b 23 и 190 b 5; вьсѣмн хвалимо ѥстъ цѣломѫдрьство и прнемлива правьда, и чюдьно мѫжьство и мѫдрость трѣбѣ зѣло Шест. 243 c 4; плътн ѣдѫщимъ животомъ остры зѫбы съчета; тацн бо сѫтъ трѣбѣ на брашьньнын образъ Шест 245 b 14; хотѧ же нмъ показатн. ѩкоже н̑ѣ емоу̯ трѣбѣ сень Сл. о Преображ., 245 a 18; трѣбѣ бы̑ водецъ без грѣха — там же, 240, 10.

К конструкциям „именительный падеж подлежащего и модальное наречие трѣбѣ“ близки русские диалектные обороты „именительный падеж и модальные наречия **надо, нужно, треба**“, наиболее распространенным из которых является оборот с наречием *надо*. Он употребляется во всех говорах северного наречия, а также в некоторых говорах Псковской, Смоленской, Калужской и Брянской областей. „При предикативном наречии **надо** выступают в форме именительного падежа существительные всех групп, различающих формы именительного и винительного падежей, а также местоимения, заменяющие эти существительные, ср.: **Зимой надо обутка; Нада люди на тракторе; . . . Они мне сами лично надо**“[27]. Именительный падеж в этих конструкциях нередко понимается диалектологами как форма прямого объекта; как форму выражения подлежащего рассматривал этот именительный П. С. Кузнецов[28]. В Пермских сказках П. Г. Стрелков отметил конструкцию **Мне деньги не надо**[29]; словоформа *деньги* здесь не дополнение, а подлежащее: поскольку при глаголе имеется отрицание, дополнение было бы в форме родительного падежа.

§ 5. И так, в сочинениях Иоанна Экзарха Болгарского встречаются два типа предложений, мало употребительных или чрезвычайно редких в современных славянских языках. Их специфика проясняется при обращении к неславянским индоевропейским языкам, к славянским языкам в их древнем состоянии, а также к славянским диалектам, где еще изредка наблюдаются убедительные параллели к данным типам предложения. Без риска впасть в ошибку обе разобранные синтаксические конструкции можно было бы проецировать в глубокое прошлое. Следует ожидать, что при дальнейшем изучении сочинений Иоанна Экзарха будут выявлены и другие синтаксические построения, обогащающие наши представления о древней стадии развития славянского предложения; накопление данных такого рода было бы полезно и для более точного определения, по синтаксическим признакам, места славянских языков среди прочих индоевропейских.

§ 6. Существование синтаксических построений, близких к разговорной речи, определенным образом характеризует также и язык произведений Иоанна Экзарха. Подтверждается новыми фактами оценка этого языка, высказанная Э. Георгиевым: „Его язык, по-существу, остается живым староболгарским языком, на котором говорили от Преслава до Солуни и Охрида“[30].

ЛИТЕРАТУРА

[1] Бауэр, Я. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков. — ВЯ, 1963, 4, с. 6.

[2] Бирнбаум, Г. Ответ на вопрос: Какви са досегашните слабости на сравнително-историческото изследване на синтактичната система на славянските езици. — В кн.: Славянска филология. Т. 1. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, 1963, с. 88.

[3] Так, еще В. Вондрак выявил в произведениях Иоанна Экзарха ряд синтаксических явлений, принадлежащих преимущественно позднему периоду: употребление притяжательных местоимений дательного падежа, выражение запрещения при помощи не мозн-не мозѣте, значительную распространенность притяжательных прилагательных, образованных от неодушевленных существительных, употребление синтаксически застывших форм *иже, юже*.

См. Vondrák, V. O mluvě Jana Exarcha Bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovanštiny. V. Praze, 1896, 36—37.

[4] Например, исследуя Германов сборник 1359 г., К. Мирчев выявил ряд архаичных фактов из области древнеболгарского склонения, не известных памятникам более раннего времени. Эти факты восполнили картину истории болгарского склонения, по-новому осветили состояние его в древний период. См. Мирчев, К. Към българския исторически синтаксис — архаични обрати в Германовия сборник от 1359 г. — Славистичен сборник, V. По случай VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968, с. 69.

[5] Примеры из Шестоднева здесь и далее приводятся по изданию: Aitzetmüller, R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. I—VI, Graz, 1958—1971.

[6] Decaux, E. Au sujet de pisze „il est ecrit“ — Rocznik slawistyczny, 1966, T. 26, cz. 1, 95—99.

[7] Лекова, И. Колебания между подложна и безподложна сказуемност при т.н. безлични изречения в славянските езици. — Slavica slovaca. Bratislava, 1967, roč. 2, č. 4, s. 324.

[8] Zubatý, J. Die „man“ — Sätze. — Studie a články, sv. II. Praha, 1954, 443—453Z 460—466.

[9] Havránek, B. K historickosrovnávacimu poznání syntaxe slovandkých jazyků. — In: Otázky slovanské syntaxe. Praha, 1962, s. 75.

[10] Op. cit.

[11] Op. cit.

[12] Мельничук, О. С. Розвиток структури словянського речення. Київ, 1966, 148—149.

[13] Вондрак, В. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, с. 4; Вайан, А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 196.

[14] Ходова, К. И. Предложения с подлежащим-существительным и предикативным наречием в староболгарском. — Palaeobulgarica — Старобългаристика. София, 1979, 2, 31—32.

[15] Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, М., 1958, с. 113.

[16] Указ. соч., с. 115.

[17] Ходова, К. И. Указ. соч., с. 33.

[18] Примеры приводятся в нашей статье, 29—31.

[19] Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, М., 1958, с. 114 (сноска).

[20] Указ. соч., с. 115 (сноска).

[21] Черныш ев, В. И. О нарушении согласования в русском языке. — Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934). М.-Л., 1938, с. 258.

[22] Miklosich, F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV. Syntax. Heidelberg, 1926, s. 29.

[23] Бенвенист, Э. Общая лингвистика. Перевод с французского. М., 1974, с. 181.

[24] Черныш ев, В. И. Указ. соч., с. 262.

[25] Потебня, А. А. Указ. соч., с. 115.

[26] Примеры из Слова о Преображении даются по изданию: Иванова-Мирчева, Д. Йоан Екзарх Български. Слова. Т. 1., С., 1971.

[27] Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 182. Об этом явлении см. также: Георгиева, В. Л. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием **надо** в современных русских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. т. III, М.-Л., 1949; Русская диалектология. Под ред. проф. Н. И. Мещерского. Л., 1972, с. 243.

[28] Кузнецов, П. С. Русская диалектология. М., 1960, с. 124—125.

[29] Стрелков, П. Г. Синтаксис Пермских сказок. — Ученые записки Пермского Гос. Университета. Отдел общественных наук, вып. 2, Пермь, 1931, с. 18.

[30] Георгиев, Э. Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962, с. 258.